

Значение контейнирующей способности пары в ситуации развода для дальнейшего психосексуального развития ребенка.

В своем докладе я хочу коснуться темы важности контейнирующей функции пары для благополучного развития ребенка.

В частности того, каким образом, и по каким причинам, в ситуации развода эта функция может видоизменяться или вообще исчезать и что это может значить для будущей истории ребенка. Ребенка, который в это время находится на том или ином этапе своего развития.

Намеренно оставляю в стороне многие нюансы. То есть все, что я скажу – должно быть транспонировано через особенности возраста ребенка и индивидуальные особенности семейной динамики в связи с особенностями структуры родителей, историю отношений в браке, в расширенной семье, культуральные аспекты развода и т.д...

Естественно, важными также будут уже сформированные способы обращения с агрессивностью, наличие или отсутствие проблем с самооценкой, проблем половой ориентации, трудностей в построении объектных отношений, особенности проживания подросткового возраста...

Фигдор в своей книге «Беды развода и пути их преодоления» отмечает многие аспекты, также влияющие на способ переживания ребенком развода, как например:

- состоявшаяся или нет в результате развода разлука с одним из родителей
- качество связи с матерью (история формирования привязанности)

- значение развития ребенка до развода (в частности, речь идет о страхе потери объекта, любви объекта, о страхе потери отношений)

- также важны уже сформировавшиеся способы переживания сепарационной тревоги и способы обращения с чувством вины

Таким образом мы понимаем, что переживание развода для каждой конкретной пары и ребенка будет сугубо индивидуальным процессом и строить работу мы должны с учетом очень многих переменных.

Итак, ребенок рождается в пару.

И приносит с собой свою индивидуальную эмоциональность, темп и ритм жизни, свои потребности, своё здоровое или не очень тело, свои интересы и таланты, свою беспомощность и требовательность...

А дальше - происходит взаимная адаптация. Постепенно. С удачами и провалами. С радостью и слезами.

Одновременно протекающие процессы адаптации ребенка к способу родителей проживать свои отношения, заботиться о нем и родительской пары к новому опыту, опыту родительства.

Мы понимаем что родительство для пары - новый глубокий личный опыт, окрашенный самыми противоречивыми переживаниями, постижение которого требует серьезных психических усилий. Опыт, требующий роста и изменений психической структуры.

«Как будто: феномен незнания», Рут Ризенберг Малкомм:

«Психические изменения достигаются посредством понимания, то есть эмоциональным опытом познания»

Родители, принимая в пару ребенка, должны научиться иным способам обходиться со своей эмоциональностью, со своими внутренними и внешними конфликтами, как того требует беспомощное и зависимое его положение.

Дольто «Психоанализ и педиатрия»: «Для детского развития важной причиной является именно опыт объектных отношений, отношений между членами семьи.»

Родители осваивают новый опыт - они учатся предоставлять ребенку пространство в своей жизни и психике, преобразовывая свой уже существующий опыт в новые формы. Они учатся учитывать присутствие ребенка, «держат ребенка в голове».

И одним из важных компонентов этой функции, от успеха выполнения которой зависит вся последующая способность ребенка к развитию, является контейнирующая функция пары.

Бион «Научение через опыт переживания»: «чтобы опыт был усвоен, альфа функция должна применяться в процессе осознания эмоционального опыта, альфа-элементы продуцируются на основе восприятия опыта, в результате они запоминаются и становятся доступными для мыслей сновидения, а также бессознательных мыслей в состоянии бодрствования. Альфа функция необходима для сознательного рассуждения и аргументации, а также для перевода процесса раздумий в бессознательное, когда необходимо разгрузить сознание от мыслей в ходе приобретения навыка» - в результате субъект получает свободу находится в своем внутреннем пространстве спокойно и расслабленно, свободу уходить в свои мысли без тревоги и напряжения.

Таким образом, помогая ребенку замечать, проживать и осознавать эмоциональный опыт, родители помогают ему в обретении смыслов - так рождается опыт переживания связанности.

Рональд Бриттон «Удержать в голове» пишет, что процесс контейнирования формирует своеобразное переживание: «Убежище как ощущения нахождения в безопасном месте, что само выражает идею нахождения внутри чего-то хорошего».

Таким образом, чтобы предоставить свою психику в распоряжение ребенка, позволяя ему переживание контакта с хорошим объектом, выполняя контейнирующую функцию, родители должны иметь возможность переживать себя хорошими.

Но мало какой родитель в травматичной ситуации развода действительно способен переживать себя хорошим, если учитывать сознательные и бессознательные процессы, происходящие в психике.

В результате, находясь в состоянии регресса, родители и ребенок обмениваются проективными идентификациями, не в силах найти контейнер для своих переживаний.

Неизбежно страдает связь с хорошим внутренним объектом, способным знать и информировать.

Бриттон пишет о такой способности: «мы можем использовать терминологию Фрейда и сказать, что это значит обладать помогающим супер-Эго»

Страдает способность к самопознанию и к установлению связи между различными частями себя. В итоге – становится очень сложно или даже невозможно ощущать себя и размышлять о себе.

И далее, снова Бриттон: «если невозможно сделать мысли психическими – их невозможно держать в голове, в том смысле, что мысли можно держать в сознании, предсознательном, бессознательном»

«Есть, по сути, три места, куда эти предшественники мысли, бета-элементы, могут уйти из психики: во-первых, в тело, во-вторых, в перцептивную сферу, в третьих, туда, где царит действие, то есть: 1) в психосоматические или ипохондрические симптомы; 2) в перцептивные галлюцинации; 3) в действие»

Когда ребенок в той или иной степени теряет связи с психикой родителей, занятых задачами собственного психического выживания, он остается один на один с высокими требованиями,

предъявляемыми внешней ситуацией к его незрелому Эго, к его системе защитных механизмов.

Один на один со своим эмоциональным опытом, своими конфликтом любви и ненависти.

Бион «Нападение на связи»: «Атаки на альфа-функцию, стимулируемые ненавистью или завистью, разрушают возможность контакта сознания с самим собой или с другими людьми как с живыми объектами. Соответственно, мы слышим неживые объекты, или даже какие-то места, когда мы ожидаем нормально услышать другого человека.» ...«активность заменяет собой мышление, личность оказывается способной строить отношения лишь с такими аспектами себя, которые имеют сходство с автоматом.»

Таким образом может возникать переживание неживого вместо живого, потому что живое грозит болью.

Развиваться – это значит, в том числе и сталкиваться с вызовами внешнего мира, провоцирующими выход из психической стабильности, для этого нужно иметь психический ресурс, чтобы справляться с ними и продвигаться к следующим этапам.

Соответственно, потеряв контейнирующую функцию пары, ребенок неизбежно (на какое-то время или надолго) останавливается в процессе своего развития.

И здесь возникает закономерный вопрос: но ведь распадается пара, а каждый из родителей остается, то есть все не так уж и сложно?

Да, это так, каждый из родителей в отдельности остается.

Сегодня принято считать, что ребенок с самого начала формирует диадические отношения с несколькими близкими людьми.

Голомб А. «Как мы объясняем свои ошибки: контрперенос, проекции и отторжение»: «Младенец способен поддерживать несколько диад, не обязательно одну основную, на которой базируются все остальные отношения.»

Что же может происходить, когда пара расстается?

Казалось бы, так как изначально существовали диадные отношения с каждым из родителей - все могло бы остаться на своих местах.

И ребенок не нуждался бы в особых способах адаптации к сложившейся ситуации.

Такая надежда и даже ожидание наблюдается у многих пар.

Нэнси Мак-Вильямс в книге «Психоаналитическая психотерапия. Руководство практика» пишет: «к примеру, мы знаем, что предположение о том, что психика детей пластична и они вернутся к прежнему состоянию после потери, переезда или развода без посторонней помощи – всего лишь приятное заблуждение. Мы понимаем могущественную природу привязанности и боль, сопровождающую потерю любимых »

Лайне «Ненависть во взаимоотношениях мужчины и женщины»: «Читая между строк, можно увидеть, насколько важны отношения между родителями для детей, насколько на самом деле мать и отец ценят и любят друг друга и уважают свои различия. Каждый ребенок нуждается в обоих родителях. Мать не может заменить отца и наоборот. Можно даже сказать, что родители являются частью тела ребенка, и потеря любого из них причиняет глубокую боль.»

Именно с этой болью ребенок и будет обращаться к родителям, как помогающим фигурам. С ожиданием или даже требованием помощи.

И именно от них во многом зависит, станет ли опыт развивающим или окажется чрезмерной фрустрацией, превышающей возможности адаптации и потому ведущей к регрессу и формированию патологических защитных механизмов, задерживающих дальнейшее развитие.

С рождения ребенок выстраивает свое понимание себя, чувство своего Я и способность получать удовольствие от роста и развития через опыт взаимоотношений с двумя родителями.

Парой, по удачному выражению Франсуазы Дольто, проживающей свои отношения в норме «спокойно-конфликтным образом»

У пары ребенок обучается и в отношениях с родителями тренирует и развивает функции Эго, в том числе способность выдерживать тревогу и фрустрации, формируя механизмы защит.

Только в опыте отношений с помогающими и доброжелательно настроенными родителями фрустрации могут носить развивающий характер. Здесь мы говорим и о роли родителей как вспомогательного Эго - важна способность родителей принимать участие и способствовать развитию на сознательном и бессознательном уровнях.

Но внутренний мир родителей переживает более или менее травматическое состояние расставания. Соответственно, регресса, в котором способность к контейнированию оказывается под угрозой.

Вивьен Грин «Создание у родителей нового образа ребенка»: «При разводе страдает родительство как динамическое состояние открытости опыту изменений и к актуализации способностей»

Родители и ребенок, уже сформировавшие опыт внутрисемейных отношений, сталкиваются с необходимостью трансформации уже ставших привычными форм взаимодействия.

Может существовать существенное различие между идеализированным понятием «семья» и действительной жизненной семейной ситуацией. Разница в наличии или отсутствии внутренних смысловых связей.

Что прекращает свое существование? Семья как способ получения удовольствия от переживания совместности, обогащения за счет принятия инаковости другого или терпит крушение идеология «семья» с жесткими границами и функциональными взаимоотношениями?

Если ситуация ближе ко второму варианту – ее можно описать так:

«Как будто: феномен незнания», Рут Ризенберг Малкомм:

«Но никогда нет достаточной готовности к тому, чтобы заниматься проблемами. Для того, чтобы это делать – нужно иметь способность встретиться с фантазией, что субъект делает или делал со своими объектами. Имея надежду, что внешние объекты можно восстановить»

Итак, условно я хотела бы выделить в происходящих процессах две группы событий: те, которые происходят с ребенком и те, которые происходят с родителями.

1. Родители

Мы говорим о том, что пара формирует образ ребенка как совокупность ожиданий и требований, соответствие которым обеспечивает родителям переживание себя «Хорошими родителями».

И понятие «хороший родитель» субъективно может более или менее отличаться в сторону идеализированного образа.

Винникотт определяют достаточно хорошую мать, как человека, способного поначалу полностью адаптироваться к потребностям беспомощного ребенка и потом постепенно снижать адаптацию в соответствии с растущими возможностями ребенка.

И эти растущие возможности родителя признают, постоянно гибко изменяя образ ребенка в своей психике. И в соответствии с этим – свои способы взаимодействия с ним.

У родителей, как у разводящейся пары, создается иной образ ребенка и фантазии, связанные с тем, что с ним происходит. В широком диапазоне от полного отрицания травматического опыта до переживания ребенка поврежденным или даже разрушенным.

Конечно же, выбор варианта будет определяться бессознательным родителей и зависеть от их особенностей переживания расставания.

Что значил для них ребенок до развода будет трансформировано тем, что значит развод и во многом определять то, что начинает значить ребенок.

Здесь существует также определенная культуральная часть, осложняющая взаимодействие родителей, так как разведенный мужчина воспринимается довольно часто, как свободный мужчина, а одинокая женщина с ребенком – разведенка с довеском.

Многое также зависит от проекций, уже существовавших в отношениях к ребенку и между родителями. Могут ли они рассматривать своего ребенка как субъекта со своими собственными потребностями и желаниями. Для этого они должны быть способны справляться с собственным регрессом, переживаниями боли, страха, вины, стыда, гнева и разочарования.

Нэнси Мак-Вильямс «Формулирование психоаналитического случая»: «Принятие чего-либо в качестве жизненно важной, ожидаемой части субъективности, может снизить чувство стыда, которое обычно идет рука об руку с разоблачением и донести понимание того, что личный опыт не опасен. Также это может усилить ощущение полноты жизни и аутентичности, что делает даже болезненные аффекты заслуживающими того, чтобы их переживать»

Принятие болезненности происходящих процессов – основная задача родителей, решение которой дает в результате возможность оставить отношения с ребенком безопасными, предоставляя часть своей психики для контейнирования его тревоги.

2. Ребенок

В ситуации развода ребенок оказывается в новом поле переживаний, связанных с потерей.

Фигдор «Беды развода и пути их преодоления»:

«Воздействие разлуки на детей протекает драматичнее, потому что огромная часть развития их собственной личности

основывается на идентификации с аспектами личности родителей в том виде, в котором они их воспринимают»

Неизбежно, внутренний объектный мир ребенка будет изменяться под влиянием внешней действительности. Естественно, переживания активизируют аффективно заряженный опыт, который пробуждает конфликтные и амбивалентные переживания всей истории развития.

Что неизбежно должно производить изменения в Эго и внутреннем объектном мире.

Все эти аспекты важны для формирования психической структуры, системы психологических защит и отражаются на дальнейшей психической жизни.

Патрисия Дэниел «Детский анализ и понятие бессознательной фантазии»:

«Фантазийные внутренние объекты отличаются от настоящих родительских объектов, хотя взаимодействуют с ними и находятся под их влиянием»

Во внешней и/или во внутриспсихической реальности может оказаться так, что произойдет потеря обоих родителей в виде потери эмоционального контакта, так как родители каждый в отдельности переживают свою собственную трагедию.

Но также во многом и потому, что ребенок имеет длительный опыт выстраивания отношений с парой, которая больше не существует и он оказывается без ее защищающей функции.

Еще один аспект – неизбежно будет меняться переживание чувство собственного Я, которое является следствием воспитания в семье, из-за изменения положения ребенка в отношениях с обоими родителями, а также с другими важными членами семьи.

В ситуации развода чаще всего не происходит потеря личности родителя, но некоторые функции, которые выполнял каждый из родителей – серьезно изменяются.

Тэхэ «Психика и ее лечение»:

«...потеря функции не может быть урегулирована теми же способами, что и потеря личности. Отношение субъекта к оказываемым функциональным объектам услуг в высшей степени зависимо от них, и их потеря может быть успешно пережита лишь на одном из двух альтернативных направлений: либо субъекту самому приходится начать выполнять функции, до сих пор выполнявшиеся объектом, либо он вынужден искать ему замену. Первый вариант означает установление идентификаций.... При условии их успешности, они будут расширять набор защитных средств личности субъекта и повышать степень его структуризации».

В этом утверждении содержится и хорошая новость.

Если у ребенка окажется достаточно психического ресурса, то есть силы и устойчивости структуры Эго– развод может оказаться и благоприятным полем для развития.

Особенно если внутрисемейная эмоциональная ситуация была напряженной. Но чтобы такая ситуация оказалась возможной – родителям необходимо прикладывать усилия, чтобы сохранить свою пару, как родительскую.

Здесь хочется представить вашему вниманию два клинических примера, иллюстрирующих вышесказанное.

Речь пойдет о двух молодых парах, примерно одного возраста, проживших в браке примерно одинаковое время, в каждой семье – один ребенок, мальчик, возраст около 8-9 лет

Случай 1.

За консультированием по поводу психологического сопровождения развода обратилась пара. Их тревога касалась

вопроса, как сообщить ребенку о разводе, чтобы не нанести ему непоправимого вреда.

Пара разводилась по инициативе отца, который полюбил другую женщину и планировал с ней создать семью.

Мать была не против расставания, поскольку тоже имела отношения и готова была прервать этот брак.

Тем не менее, пара по-прежнему спала в супружеской спальне, вместе проводили досуг, так как не знали, как сообщить ребенку и играли роль, что все как обычно – для ребенка.

Однако, естественно, очень часто происходили ссоры между родителями. Иногда даже скандалы, которые могли начаться с любой мелочи.

На консультациях мы обсудили с родителями их тревоги, я помогла им в создании «дорожной карты», если можно так выразиться.

Мы нашли подходящие для обоих родителей формулировки, как сказать ребенку об их планах на расставание и они смогли прийти к договоренностям насчет последующих совместных действий в отношениях с ребенком.

Через некоторое время они снова вышли на связь, обеспокоенные состоянием ребенка и мы договорились на совместную консультацию родители-ребенок.

По слова отца – мать начала использовать ребенка, чтобы досадить ему. Не опуская сына на встречи с отцом под предлогом то отсутствия свободного времени, то проблем со здоровьем.

Мать обвиняла отца в отсутствии заботы о здоровье сына – нарушение диеты и слишком много гаджетов.

Отец отрицал эти факты. Они просто вместе любят играть в игры.

Попутно выяснилось, что мать начала спать с сыном, оправдывая этот факт тем, что у ребенка страхи.

Отношения ребенка с обоими родителями были в основном хорошие, теплые.

Но на первой совместной консультации он находился рядом с матерью, выглядел весьма напряженным, прижимаясь к ней, когда отец выходил из себя и начинал обвинять мать в том, что она не соблюдает договоренности.

У него действительно нарушился сон, он стал отказываться посещать ранее любимые спортивные занятия. В школе также ухудшилась успеваемость по причине проблем с сосредоточением внимания.

На консультациях мы говорили о том, насколько важно для ребенка, чтобы отношения между бывшими супругами оставались относительно спокойными в области совместного родительства.

О том, что ребенок испытывает напряжение, связанное со злостью, стыдом, чувством вины, когда он думает, что является эпицентром конфликтов.

О том, что отец пытается справиться со своим чувством вины при помощи попустительского отношения к воспитанию.

Что мать справляется с переживанием разлуки и своими собственными страхами покинутости, используя совместный сон с ребенком, одновременно реализуя свой гнев по поводу отвержения бывшим мужем через запреты его встреч с сыном.

О том, что сыну сложно доверять, любить и идентифицироваться с отцом, которого ненавидит мать.

Что для ребенка несогласие родителей по поводу воспитания создает серьезные проблемы во внутреннем мире, что и выражается через его нарушенный сон и поведение.

Через некоторое время нам удалось уладить родительский конфликт и пара смогла вернуться к выполнению уже созданных договоренностей.

Они пришли еще на одну консультацию через полгода, чтобы поговорить об особенностях проведения новогодних каникул и новогодней ночи, по поводу которых им никак не удавалось прийти к согласию. Это семейные праздники и они привыкли проводить их все вместе.

На этой консультации мальчик вел себя совершенно иначе. Он свободно перемещался по кабинету, активно участвуя в беседе, периодически увлекаясь игрушками или лепкой.

В эмоционально сложные моменты он забирался на колени к отцу и прижимался к нему. Ему было страшно сказать матери, что он хотел бы провести новогоднюю ночь с отцом.

Родители, которые помнили, что их разногласия в прошлый раз «дорого стоили», решили обратиться за помощью, не дожидаясь, пока снова разгорится конфликт.

Случай 2

В этом случае ситуация развивалась совсем иначе.

Пара обратилась по поводу терапии для их сына. Их жалобы и тревоги касались его поведения дома и в школе. Он не желал подчиняться требованиям, вел себя грубо и вызывающе. На уроках мог встать и выйти, не обращая внимания на слова учителя.

Дома также, он никак не реагировал на просьбы и требования родителей. Не делал уроки, отказывался соблюдать хоть какое-то подобие режима.

Довольно часто происходили громкие скандалы, в которых он оскорблял маму, ругался матом. Только отец мог его хоть как-то успокоить, но работали только угрозы или физическое насилие –

просто взять его на руки и вынести из комнаты, где происходил скандал. После этого отец запирает его, пока он не успокоится.

Однако не везде мальчик вел себя подобным образом. Например, в гостях у бабушки, которую родители описывали как жертвенную и всепрощающую, он через какое-то время становился весьма покладистым и контактным.

Также дела обстояли и с классной руководительницей. Она была довольно строгой и требовательной, но в ее присутствии мальчик успокаивался.

Ситуация выглядела удручающе. Было понятно, что о поведении привязанности, доверии и авторитете родителей речи не шло.

Я приняла решение проводить совместные консультации родители-ребенок для этой семьи, так как было очевидно, что проблема кроется во взаимоотношениях родители-ребенок.

В процессе консультирования стало понятно, что родители придерживаются радикально противоположных родительских позиций.

Мама – терпеливо и молча очень долго могла сносить его выходки, но потом внезапно взрывалась и в этом состоянии могла быть довольно жестокой. После чего обвиняла сына в том, что он сам все это спровоцировал.

Отец был более последовательным, но чрезмерно жестким и требовательным, не учитывая особенности характера и возраст сына.

Кроме того, родители без конца конфликтовали из-за разницы во взглядах на воспитание ребенка в его присутствии.

При попытках отца быть требовательным – мать непременно вмешивалась и защищала.

При попытках матери быть нежной и заботливой – отец вмешивался с обесценивающими и критическими замечаниями.

Таким образом ребенок постоянно был включен в ситуацию супружеского конфликта. Он чувствовал себя его причиной и эпицентром. Этот факт вносил значительный хаос в его внутренний мир, апеллируя к самым примитивным садистическим фантазиям с переживанием себя повреждающим и разрушительным.

Соответственно, он никак не мог сформировать устойчивый способ переживания себя в отношениях с родительской парой.

Хотя отношения с каждым из родителей наедине часто носили весьма удовлетворяющий характер.

Мы смогли договориться с родителями по поводу изменения их позиции противоборства, пытаясь искать общие точки соприкосновения по поводу процесса воспитания.

Мальчик начал проходить терапию.

И здесь выяснилось, что супружеский конфликт зашел настолько далеко, что родители приняли решение о разводе.

И в этом случае расставание пары привело к значительному снижению тревоги и напряжения в сфере выполнения их родительских функций.

Когда родители оказались свободны от своих конфликтных взаимоотношений, они испытали облегчение и смогли довольно легко прийти к согласию в вопросах воспитания.

«Мы всегда были прекрасными друзьями, но перепутали это с любовью» - это открытие оказалось жизненно важным.

Пара была вместе со школы и им было крайне сложно и страшно осознать, что юношеская влюбленность и совпадение интересов не переросли во взрослую любовь.

Их пара обладала дружеским взаимопониманием и они были способны оказывать друг другу поддержку, но это не могло быть основанием для супружества.

Таким образом, вместо травматических конфликтных отношений с родительской парой, неспособной к контейнированию и созданию совместного приемлемого образа ребенка и стиля воспитания, мальчик смог создавать удовлетворяющие отношения с каждым из родителей при поддержке и одобрении другого.

В этом случае развод оказался шансом для ребенка на дальнейшее психическое и социальное развитие и сохранение хороших отношений с каждым из родителей в отдельности.

В заключение хотелось бы обозначить, в чем же чаще всего заключаются основные трудности для родительской пары в ситуации развода и как мы можем помогать родителям и ребенку, чтобы постараться предотвратить возможные задержки в его дальнейшем развитии?

Наша работа – помочь родителям говорить с детьми.

О сложных и неудобных вещах. О взаимоотношениях в паре, которые привели к желанию совместности и воспоминания о которых будут причинять боль.

О взаимоотношениях, которые привели к расставанию, давая понять ребенку, что отношения в паре – это совершенно другое, чем отношения родитель-ребенок.

Скорбь является естественным психологическим откликом на любую потерю или перемену, это усилие, которое мы совершаем для того, чтобы приспособить наш внутренний мир к изменившейся реальности.

Необходима способность родителей справляться с переменами, адаптироваться к утратам и использовать изменения как средство для роста.

Тот, кто не способен переживать горе, скорее всего будет избегать близких отношений из страха повторить травмирующие переживания, справляться с которыми нет опыта.

Дольто пишет о том, что необходимо «Сочувствующее ухо» - помощь другого лица, достойного доверия. Того, кто имеет способность видеть мир с точки зрения другого и уважать его чувства, которые нужно помочь выразить.

Ребенку требуется помощь взрослых, чтобы помочь почувствовать и принять бессилие, печаль и гнев.

Пройти вместе путь от отрицания до принятия. Часто родителям уже помогает только знание того, что все чувства, а так же их быстрое чередование являются типичными в данной ситуации.

Если ребенок остается один, погруженный в горе - это вредит аффективным отношениям, чувству ребенка себя любимым.

Там, где нет слов, придающих смысл событиям - трансформация психической жизни может ощущаться как катастрофа, как потеря любви, потеря смысла, потому что этому нет объяснения.

Фрейд «Три очерка по теории сексуальности» о диалоге мальчика с тетей: «Тетя, поговори со мной», «что тебе с того, ты же в темноте меня не видишь» «ну и что, когда кто-нибудь говорит, становится светло»

Без участия взрослых ребенок остается беспомощным.

Дольто «Заповедный мир детства»: «Приложить слова к страданию – это умирят страх. Именно страх через сверхнапряжение вызывает плохое самочувствие.»

Если страх не может выразиться в словах, он выражается через поведение, характер или поведение тела, гиперактивность, бессонница или ночные страхи.

Одна из наиболее актуальных проблем заключается в том, что, как отмечает Нэнси Чодороу «Воспроизведение материнства»: «ранние отношения мать-дитя закладывают в детях обоего пола основу потенциального родительства и одновременно ожидание, что функции ухода и заботы о других станет непременно выполнять женщина».

Это особенность, формируемая некоторой асимметрией в семье, возникающей из-за выполнения материнских функций женщиной.

Дети ожидают от матери контейнирования, так как у них есть опыт, что эту функцию выполняет она, как правило, «с большей интенсивностью и заинтересованностью», чем отец.

Важно, чтобы мы помогали разводящимся парам понимать и принимать ответственность именно пары за то, как долго и психически болезненно будет протекать адаптация к разводу родителей у ребенка.

Ф. Дольто «Заповедный мир детства» отмечает, что крайне важна мысль об отце, как о поддерживающей фигуре, который поможет матери и ребенку в трудный момент. Мысль о его присутствии и доверии к нему.

Мы можем также сказать, что, в трудные для отношений моменты, мысль о втором родителе, способном оказать принятие,

поддержку и успокоить – крайний важный аспект для урегулирования амбивалентных переживаний, для проживания конфликта любви и ненависти.

Родителям стоит знать, что ответственность за ребенка – одновременно каждого в отдельности, но и совместная.

Делать усилия, чтобы понимать друг друга и хотя бы иногда проводить время вместе, учитывая, что ребенок знает правду о расставании.

Ребенок должен чувствовать, что родители согласны между собой. Чтобы не приходилось скрывать и хитрить.

Важно и возможно сохранять контейнирующую функцию родительской пары, невзирая на то, что расставание состоялось и супружеской пары больше не существует.

Наша задача, помочь родителям понять, что самый опасный соблазн при разводе – желание спрятаться от переживания своей боли, создавая исключительное родительство, принадлежность друг другу, что плохо и для родителя, и для ребенка.

Нэнси Чодороу «Воспроизводство материнства»

«Если родителю не с кем установить первичные эмоциональные отношения в семье – он устанавливает эротические отношения с ребенком»

Когда супружеская пара, расставшись, способна остаться родительской парой, заинтересованной в благополучном развитии ребенка – это своеобразная страховка от чрезмерной эротизации детско-родительских отношений, а также от отношений использования и обладания.

В такой ситуации у нас есть надежда, что психика ребенка сможет пережить и усвоить новый опыт с минимальной опасностью регресса и остановки в развитии.

В такой ситуации мы можем ожидать, что роль позитивных последствий - изменения эмоционального климата, установления последовательности требований - дадут дорогу положительным изменениям способов работы защитных структур и оставят ребенка доступным для дальнейших опытов любви, хотя и испытавшим переживание горечи разлуки.

И закончить я хотела бы цитатой:

«Дайте скорби слова, печаль, которая не выражает себя, врастает в сердце и разбивает его на куски» Шекспир